

Учение о молитве Иисусовой святителя Игнатия (Брянчанинова) и в "Откровенных рассказах странника».

Аскетические творения святителя Игнатия (Брянчанинова) являются своего рода святоотеческой энциклопедией духовной жизни христианина. Святитель Игнатий не только в доступной форме переложил учение предшествовавших святых Отцов по всем основным вопросам духовной жизни, но и соотнес это учение с бессильными силами современного ему монаха и мирянина, погруженных в водоворот стихий этого мира. Ценность творений Святителя особенно возросла в настоящее время в связи с оскудением духовных руководителей. Хотя и в его эпоху проблема духовного руководства стояла очень остро. «*Богодухновенных наставников нет у нас!*» (1, 274)¹, - писал он в середине XIX-го века и уже настойчиво рекомендовал своим современникам руководствоваться Священным Писанием и творениями святых Отцов с советом старших, т.е. более опытных в духовной жизни, братьев. При этом он указывает на один из важных законов духовной жизни подвижника, нарушение которого может привести подвижника к гибели.

Закон этот заключается в *«сродстве между собой как добродетелей, так и пороков»*, и означает, что добродетели, как и страсти, так взаимосвязаны между собой, что возникновение и развитие любой из них всегда обусловлено другой. *«По причине этого сродства, — объясняет свт. Игнатий, — произвольное подчинение одному благому помыслу влечет за собой естественное подчинение другому благому помыслу; стяжание одной добродетели вводит в душу другую добродетель, сродную и неразлучную с первой. Напротив того, произвольное подчинение одному греховному помыслу влечет невольное подчинение другому; стяжание одной греховной страсти влечет в душу другую страсть, ей сродную; произвольное совершение одного греха влечет к невольному впадению в другой грех, рождаемый первым. Злоба, сказали отцы, не терпит пребывать бессупружкою в сердце»* (V,351).

О безусловной необходимости соблюдения этого закона, свидетельствуют приводимые святителем Игнатием следующие слова опытейшего наставника в духовной жизни преподобного Исаака Сирина: *«Премудрый Господь благоволил, чтобы мы снедали в поте лица хлеб духовный. Установил Он это не от злобы, но чтобы не произошло несварения, и мы не умерли. Каждая добродетель есть мать следующей за ней. Если оставишь мать, рождающую добродетели, и устремишься к взысканию дочерей, прежде стяжания матери, то добродетели эти становятся ехиднами для души. Если не отвергнешь их от себя, скоро умрешь»*.

Святитель Игнатий в связи с этим предупреждает: *«Опасно преждевременное бесстрастие! Опасно преждевременное получение наслаждения Божественною благодатью! Дары сверхъестественные могут погубить подвижника, не наученного немощи своей»* (I,532). Удивительные слова! Для духовно неопытного сама мысль о том, что какая-то добродетель может оказаться преждевременной, тем более, смертельной для души, «ехидной», покажется по меньшей мере странной, если не кощунственной. Но именно такова реальность духовной жизни, таков один из ее непреложных законов, открытый великим опытом святых. В пятом томе своих сочинений, который Святитель

¹ Здесь и далее ссылки на Творения святителя Игнатия делаются по изданию: СПб. 1905.

назвал “Приношение современному монашеству”, в главе десятой — “Об осторожности при чтении отеческих книг о монашеской жизни”, он прямо пишет: *“Падший ангел старается обмануть и вовлечь в погибель иноков, предлагая им не только грех в разных видах его, но и предлагая несвойственные им возвышеннейшие добродетели”* (V,54).

Указанные мысли имеют прямое отношение к пониманию важнейшего христианского делания - молитвы. Святитель Игнатий, утверждая согласно со всеми святыми, что *«молитва есть мать добродетелей и дверь ко всем духовным дарам»* (2; 228), и перечисляя общие требования к правильной молитве, настоятельно указывает при этом на особые условия для того христианина, который становится на путь молитвенного подвига. Несоблюдение этих условий, предупреждает он, делает молитву подвижника в лучшем случае бесплодной, но большей частью - средством его глубокого повреждения. Сравнение учения свт. Игнатия и «Рассказов» о молитве Иисусовой дает хорошую возможность уяснения как этих условий, так и многих других положений данного вопроса.

Истоки молитвы и ее цель

Естественно обратить внимание прежде всего на причины, по которым христианин приступает к деланию м-вы Иисусовой. Святитель Игнатий рассматривает этот вопрос в контексте безусловного соблюдения вышеназванного закона. Он подчеркивает:

“В упражнении молитвой Иисусовой есть свое начало, своя постепенность, свой конец бесконечный. Необходимо начинать упражнение с начала, а не с середины и не с конца...”

Начинают с середины те новоначальные, которые, прочитав наставление... данное отцами-безмолвниками... необдуманно принимают это наставление в руководство своей деятельности. Начинают с середины те, которые без всякого предварительного приготовления усиливаются взойти умом в сердечный храм и оттуда воссылать молитву. С конца начинают те, которые ищут немедленно раскрыть в себе благодатную сладость молитвы и прочие благодатные действия ее.

Должно начинать с начала, то есть совершать молитву со вниманием и благоговением, с целью покаяния, заботясь единственно о том, чтобы эти три качества постоянно соприисутствовали молитве” (I,225–226). *«Основная и первоначальная молитва, - пишет он, - должна состоять из прошений о прощении грехов»* (1, 516).

Сопоставим эти мысли свт. Игнатия с повествованием «Рассказов».

Первое, что обращает на себя внимание, это чисто внешняя причина, по которой Странник приступил к исканию м-вы. *«Непрестанно молитесь. Сие изречение особенно вперилося в мой ум, и начал я думать, как же можно беспрестанно молиться, когда необходимо нужно каждому человеку и в других делах упражняться для поддержания своей жизни?»* (с. 15)². *«Сильное желание и любопытство возбудилось во мне»* (19), - говорит он. Странника мучает мысль о том, как возможно непрестанно молиться, она заставляет его обращаться с этим вопросом к разным лицам, является движущей силой, можно сказать, всех его странствований и трудов. Конечно, он молодой человек, ему всего какие-то двадцать лет. И он еще ничего не понимает в духовной жизни. Однако и его дальнейшая молитвенная практика не только не изменяет первоначальной установки, но и прямо следует по тому же пути.

² Здесь и далее ссылки даются на «Откровенные рассказы странника духовному отцу своему» по изданию: УМКА-PRESS. Paris.1973.

Если следовать классификации свт. Игнатия, то Странник начинает упражнения в м-ве с середины, «прочитав наставление... данное отцами-безмолвниками» и «необдуманно приняв это наставление в руководство своей деятельности». Затем он действительно «без всякого предварительного приготовления усиливается взойти умом в сердечный храм и оттуда воссылать молитву». Очень при этом показательно, что единственными источниками, с которыми Странник никогда не расстается и постоянно читает, являются Библия и затем Добротолюбие. «Я шел уже более по ночам, а дни преимущественно провождал в чтении Добротолюбия, сидя в лесу под деревьями» (33). Из последнего он выбирает, как правило, наставления, даваемые монахам, значительно преуспевшим в духовной жизни. Впрочем, очень скоро он пытается взойти уже на высшую ступень молитвенного делания: усиленно ищет «немедленно раскрыть в себе благодатную сладость молитвы и прочие благодатные действия ее».

Ступени молитвы.

Святитель Игнатий пишет: «Упражнение молитвой Иисусовой имеет два главнейших подразделения или периода, оканчивающиеся чистой молитвою... В первом периоде предоставляется молящемуся молиться при одном собственном усилии; благодать Божия... не обнаруживает своего присутствия. В это время страсти, сокровенные в сердце, приходят в движение и возводят делателя молитвы к мученическому подвигу...» (1, 270). «Первоначальные плоды молитвы заключаются во внимании и умилении... Далее плодом молитвы бывает постепенно расширяющееся зрение своих согрешений и своей греховности, отчего усиливается умиление и обращается в плач» (1, 292).

У Странника на протяжении всех его рассказов не видно действия каких-либо страстей, ни, тем более, «расширяющегося зрения своих прегрешений». Нет и намеков на «мученический подвиг» в борьбе со страстями. Странник, можно сказать, с первого же момента занятия им м-вой Иисусовой погружается в мир блаженства и постоянно говорит лишь о легкости, отрадности (27), «несказанной радости и сладости сердечной» (65).

По свт. Игнатию, только «во втором периоде благодать Божия являет ощутительно своё присутствие и действие, соединяя ум с сердцем, доставляя возможность молиться непарительно, или, что то же, без развлеченя, с сердечным плачем и теплотою; при этом греховные помыслы утрачивают насильственную власть над умом» (1, 270 – 271). Но «чтобы достичь второго состояния, необходимо пройти сквозь первое, необходимо выказать и доказать основательность своего произволения, и принести плод в терпении (Лук. 8,15)». Однако, подчеркивает Святитель, «душою и целью молитвы в том и другом состоянии должно быть покаяние» (1, 271).

У Странника же вообще отсутствует первое. И потому едва ли можно говорить о втором.

«Хотящие взойти, – цитирует свт. Игнатий преп. Симеона Нового Богослова, – на высоты молитвенного преуспения да не начинают идти сверху вниз, но да восходят снизу вверх, сперва на первую ступень лестницы, потом на вторую, далее на третью, наконец, на четвертую. Таким образом всякий может восстать от земли и взойти на небо. Во-первых, он должен подвизаться, чтобы укротить и умалить страсти. Во-вторых, он должен упражняться в псалмопении, то есть в молитве устной; когда умалются страсти, тогда молитва, естественно доставляя веселие и сладость языку, вменяется благоугодной Богу. В-третьих, он должен заниматься умной молитвой». Здесь разумеется молитва, совершаемая умом в сердце: молитву

внимательную новоначальных, при сочувствии сердца, Отцы редко удостоивают наименованием умной молитвы, приближая ее более к устной. «В-четвертых, он должен восходить к видению. Первое составляет принадлежность новоначальных; второе – возрастающих в преуспевании; третье – достигших крайнего преуспевания; четвертое – совершенных» (1, 226-227). Странник нигде не упоминает этой мысли преп. Симеона, он ее не замечает. И понятно почему. Вопреки непреложному закону последовательности и постепенности в духовной жизни он неудержимо стремится «немедленно раскрыть в себе благодатную сладость молитвы и прочие благодатные действия ее». Это вызывает серьезный вопрос об истинности духовного состояния Странника. Определенный свет на этот вопрос проливает понимание Странником умной м-вы.

Ум и сердце в молитве

По учению Отцов, умная м-ва, или соединение ума с сердцем, является высокой ступенью молитвенного подвига, имеющей принципиально важное значение в духовной жизни христианина. Таинственный акт этого соединения совершается, по преп. Симеону, только на третьем уровне молитвенного подвига и особым действием Божиим. Свт. Игнатий уделяет этому вопросу большое внимание и, в частности, указывает на ряд серьезных моментов, имеющих прямое отношение к молитвенной практике Странника. Прежде всего, Святитель говорит о временных границах этого духовного события: «Мало-помалу молитва устная перейдет в умственную, а потом и в сердечную. Но на переход этот нужны многие годы» (2, 200). При этом он решительно запрещает искать (мысленно) место в груди, где ум мог бы соединиться с сердцем и, таким образом, человек стал бы способным к переживанию благодатных действий Божиих: «...для новоначального искание места сердечного, то есть искание открыть в себе безвременно и преждевременное явственное действие благодати, есть начинание самое ошибочное, извращающее порядок, систему науки. Такое начинание – начинание гордостное, безумное!» (1, 271-272). «Вот тебе завет мой: не ищи места сердечного» (1, 274). «К преуспеванию в молитве покаяния должны стремиться все христиане... Напротив того, они (святые Отцы – А.О.) строго воспрепятствуют преждевременное усилие взойти умом в святилище сердца для благодатной молитвы, когда эта молитва еще не дана Богом» (1, 273).

Странник же, фактически, с самого начала своих упражнений употребляет все усилия к этому переходу, и другим советует также сразу приступать к поиску места сердечного, низводить ум в сердце. «Итак, прежде всего, я приступил к отысканию места сердечного, по наставлению Симеона Нового Богослова. Закрыв глаза, смотрел умом, т.е. воображением в сердце, желая представить себе, как оно есть в левой половине груди и внимательно слушал его биение. Так занимался я сперва по получасу, несколько раз в день... в скором времени начало представляться сердце и означаться движение в оном; далее я начал вводить и изводить Иисусову м-ву вместе с дыханием в сердце, по наставлению святого Григория Синаита... Сперва я сим занимался по часу и по два ... наконец, почти целый день... (50-51). Это же советует он и слепцу: «Я тебе все прочту, что относится до сердечной м-вы и укажу способ, как отыскать место сердечное и входить в него» (103).

Но такой метод для свт. Игнатия абсолютно неприемлем, ибо не только уводит внимание от главного в м-ве – внимания, благоговения и сокрушения сердца, но и приводит к развитию воображения, мечтательности в человеке, в результате чего он

начинает естественно возникающие в нем образы и переживания принимать за благодатные, и впадает в прелесть. «Святые Отцы, - пишет он, - строго воспрепятствуют употреблению способности воображения, повелевают содержать ум вполне безвидным, незапечатленным никакою печатью вещественного». Напротив, «падные духи, - предупреждает он, - стараются возбудить в нас действие воображения...» (3, 287-288). «Ум во время молитвы должно иметь и со всею тщательностью сохранять безвидным, отвергая все образы, рисующиеся в способности воображения... Образы, если их допустит ум в молитве, соделаются непроницаемой завесой, стеною между умом и Богом» (1, 147).

«К преуспеянию в молитве покаяния, - продолжает свт. Игнатий, - должны стремиться все христиане; к упражнению в молитве покаяния и к преуспеянию в ней святые Отцы приглашают всех христиан. Напротив того, они строго воспрепятствуют преждевременное усилие взойти умом в святилище сердца для благодатной молитвы, когда эта молитва еще не дана Богом. Восприятие сопрягается со страшною угрозою. «Умная молитва, — говорит преподобный Нил Сорский, повторяя слова преподобного Григория Синаита, — выше всех деланий, и добродетелей глава, как любовь Божия. Бесстыдно и дерзостно хотящий войти к Богу, и чисто беседовать с Ним, нудящийся стяжать Его в себе, удобно умерщвляется бесами» (1,273).

И еще один момент, связанный с аскетической практикой м-вы Иисусовой, имеющий серьезные последствия для занимающегося ею. В «Своде Отеческих уроков» (без ссылки на какого-либо св. Отца) Странник помещает пункт: «ОТЫЩИ ВОООБРАЖЕНИЕМ МЕСТО СЕРДЦА ПОД ЛЕВЫМ СОСЦЕМ (подчеркнуто нами – А.О.) И ТАМ УСТАНОВИСЬ ВНИМАНИЕМ» (180). Однако по свт. Игнатию, концентрация внимания на нижней части сердца в высшей степени опасна. Он предупреждает: «Старающийся привести в движение и разгорячить нижнюю часть сердца приводит в движение силу вожделения...» (2, 299). Он даже говорит о том, что некоторые подвижники, не зная этого, начинали хулить м-ву Иисусову, другие, принимая производимые такой м-вой страстные ощущения за действие благодати, впадали в душевное сладострастие.

Благодатные действия молитвы Иисусовой.

Молодые люди часто стремятся немедленно достичь совершенства. Кончается это, как правило, срывами, тяжелыми потрясениями, глубоким разочарованием, а не редко и гибелью мечтателя. Опытный учитель, поэтому, ведет своего воспитанника, постепенно увеличивая нагрузки, чтобы таким образом последний мог действительно достичь многого. Этот путь является единственно верным в аскетике. Ибо без повседневного труда исполнения заповедей и познания своей немощи и своего недостойнства перед Богом, подвизающийся непременно возгорится исканием в м-ве благодатных состояний, и незаметно для себя станет на путь т.н. естественной мистики, самовнушения, получая и соответствующие плоды. Экстатические состояния нехристианских мистиков, для многих из которых сама идея личного Бога, а тем более признание Христа воскресшего вполне чуждо, ярко свидетельствуют о возможности достижения неблагоприятных, однако очень сильных нервно-психических переживаний. Но то, что для языческих мистиков, не знающих о благодати Божией, является искомым и, так сказать, естественным результатом, то для христианского подвижника оказывается ловушкой, обманом, заблуждением – прелестью. Потому свт. Игнатий пишет: «Но если в тебе кроется ожидание благодати, – остерегись: ты в опасном положении! Такое ожидание свидетельствует о скрытном удостоении себя, а удостоение свидетельствует о таящемся самомнении, в котором гордость. За гордостью удобно последует, к ней удобно прилепляется прелесть... Прелесть

существует уже в самомнении, существует в удостоении себя, в самом ожидании благодати... От ложных понятий являются ложные ощущения. Из ложных понятий и ощущений составляется самообольщение. К действию самообольщения присоединяется обольстительное действие демонов» (2, 321).

Он предупреждает: *“Не ищи в молитве наслаждений, они отнюдь не свойственны грешнику. Желание грешника ощутить наслаждение есть уже самообольщение. Ищи, чтобы ожило твое мертвое, окаменевшее сердце, чтобы оно раскрылось для ощущения греховности своей, своего падения, своего ничтожества, чтобы оно увидело их, созналось в них с самоотвержением. Тогда явится в тебе истинный плод молитвы: истинное покаяние” (1,149). «Не устремимся к исканию наслаждений при молитве нашей!» (1,164). «Искание само собою уже есть обольщение...» (2, 200). «Воспрещается безрассудное, разгоряченное стремление к открытию в себе благодатной сердечной молитвы; воспрещается это стремление потому, что причина его – неведение или недостаточное знание и гордostное признание себя способным к благодатной молитве и достойным ее» (2, 272).*

Напротив, у Странника на пространстве всех его рассказов слышится активное искание сердечных переживаний благодатных плодов м-вы. Он с воодушевлением говорит, что Отцы «ободрительно уверяют, как доступно и легко можно достигнуть сих сладостных внутренних ощущений в м-ве; и сколь они вожаделенны, как-то: сладость...теплота... восторг, радость...» и т.д. (269-270). Странник не сомневается, что все его ощущения сладости, света и проч. (105) от Бога. И он живет ими, с упоением говорит о них своим собеседникам: *«Иногда сердечная сладостная теплота разливалась по всему составу моему и я умиленно чувствовал при себе везде присутствие Божие. Иногда ощущал внутри себя величайшую радость от призывания имени Иисуса Христа, и познавал, что значит сказанное им: царс т в и е Б о ж и е в н у т р ь в а с е с т ь» (52).*

Но дерево узнается по плодам. И те выводы, которые делает Странник, испытав «сладостную теплоту», лучше всего говорят об источнике и природе этих переживаний. Вот что он рассказывает: *«Испытывая таковые и подобные сим насладительные утешения, я заметил, что последствия сердечной молитвы открываются в трех видах: в духе, в чувствах и откровениях; в духе, например, сладость любви Божией, внутренний покой, восхищение ума, чистота мыслей, сладостное памятование Бога, в чувствах приятное растепливание сердца, наполнение сладостию всех членов, радостное кипение в сердце, легкость и бодрость, приятность жизни, нечувствительность к болезням и скорбям. В откровениях просветление разума, понятие священного писания, познание словес твари, отрешение от сует и познание сладости внутренней жизни, уверение в близости Божией и любви его к нам» (52) (подчеркнуто нами – А.О.).*

В качестве своего рода самоубеждения Странник приводит слова св. Григория Синаита: *«сердечное действие не может быть прелестным» (281),* но умалчивает об учении этого святого о прелести. А свт. Игнатий цитирует следующие его слова: *«Обычно уму, особенно в людях легкомысленных, преждевременно стремиться к усвоению себе высоких молитвенных состояний... И потому должно тщательно рассматривать себя, чтоб не искать преждевременно того, что приходит в свое время, и чтоб не отвергнуть того, что подается в руки, направившись к исканию другого. Свойственно уму представлять себе мечтанием высокие состояния молитвы, которых он еще не достиг, и извращать их в своей мечте или в своем мнении». Свт. Игнатий делает вывод: «Прелесть в большей или*

меньшей степени есть необходимое логичное последствие неправильного молитвенного подвига» (1,268).

Обращает на себя внимание, что все три вида последствий сердечной м-вы пронизаны у Странника одним – сладостью. И ни в одном из них нет даже упоминания о том, что является первым, главным и неизменным свойством м-вы на всех этапах духовной жизни: *“Святые отцы Восточной Церкви, - пишет свт. Игнатий, - особенно пустынножители, когда достигали высоты духовных упражнений, тогда все эти упражнения сливались в них в одно покаяние. Покаяние обнимало всю жизнь их, всю деятельность их: оно было последствием зренья греха своего” (II,125–126).* И продолжает: *“Зрение греха своего и рожденное им покаяние суть делания, не имеющие окончания на земле” (2,127).* Он цитирует прп. Петра Дамаскина: *“Начало просвещения души и признак ее здравия заключается в том, когда ум начнет зреть свои согрешения, подобные множеством своим морскому песку” (II,410).*

Святитель приводит оценку истинными подвижниками своих подвигов: *“Подвижник только что начнет исполнять их, как и увидит, что исполняет их весьма недостаточно, нечисто... Усиленная деятельность по Евангелию яснее и яснее открывает ему недостаточность его добрых дел, множество его уклонений и побуждений, несчастное состояние его падшего естества... Исполнение им заповедей он признает искажением и осквернением их” (I,308–309).* Поэтому святые, — говорит он, — *“омывали свои добродетели, как бы грехи, потоками слез” (II,403).*

Напротив, находящиеся в прелести *«тотчас влекутся и влекут читателей своих к высотам, недоступным для новонаначального, заносятся и заносят. Разгоряченная... мечтательность заменяет у них все духовное, о котором они не имеют ни малейшего понятия. Эта мечтательность признана ими благодатию» (IV,498).*

Странник, благодаря употребляемой им практике м-вы, с поразительной скоростью достигает желаемой цели. *«Недели через три... я начал чувствовать... что как-то насладительно кипело в сердце... и я прелаялся в восторг. Иногда чувствовалась пламенная любовь к Иисусу Христу...» (50-51).* С подобной же молниеносностью - менее чем через неделю - того же достиг и слепой, начавший действовать по указанному Странником способу. *«Дней через пять он начал чувствовать сильную теплоту и... по временам он начал видеть свет... иногда представлялось ему, когда он входил в сердце, что как бы сильный пламень зажженной свечи вспыхивал сладостно внутри сердца и выбрасываясь через горло наружу, освещал его; и он при сем пламени мог видеть даже и отдаленные вещи» (105).*

Потому свт. Игнатий писал: *«Всем известно, какое душевное бедствие возникло для иудейских книжников и фарисеев из их неправильного душевного настроения: они соделались не только чуждыми Бога, но и испуганными врагами Его, богоубийцами. Подобному бедствию подвергаются подвижники молитвы, извергнувшие из своего подвига покаяние, усиливающие возбуждать в сердце любовь к Богу, усиливающие ощущать наслаждение, восторг... Этот род прелести – ужасен: он одинаково душепагубен как и первый, но менее явен; он редко оканчивается сумасшествием и самоубийством, но растлевает решительно и ум и сердце. По производимому им состоянию ума Отцы назвали его мнением» (1, 247).*

Однажды доверие благодатности своих переживаний и силе своей м-вы едва не окончилось для Странника трагически. Он в марте, когда еще снег и холод, провалился в ручей по пояс, но пошел к литургии, и причастившись, выпросил разрешение у сторожа переночевать в нетопленной сторожке. *«Весь оный день я был в несказанной радости и сладости сердечной; лежал на палатах в сей*

нетопленной сторожке, как будто покоясь на лоне Авраамовом: м-ва действовала сильно. Любовь к Иисусу Христу и Матери Божией как сладостные волны клубились в сердце и как бы погружали душу в утешительный восторг ... Поутру хотел встать, но вижу, что не могу и пошевелить ногами; совсем отнялись и расслабли как плети» (65). Действительно, *«опасно преждевременное бесстрастие! Опасно преждевременное получение наслаждения Божественною благодатью! Дары сверхъестественные могут погубить подвижника, не наученного немощи своей»* (1,532).

Сновидения

Немаловажным в понимании духовного состояния Странника является его отношение к сновидениям. Он сообщает о том, что *«изредка видывал во сне и покойного старца моего, который многое толковал мне»* (34) в Добротолубии, наставлял его и даже делал пометки углем на полях книги (48-50,63,70). Все эти сонные видения Странник принимает без какого-либо сомнения и прямо следует полученным в них откровениям: *«Сей случай уверил меня в истине сновидения и в богоугодности блаженной памяти старца моего. Вот я и принялся читать Добротолубие по тому самому порядку, который указал мне старец»* (50) во сне.

Святоотеческое отношение к сновидениям хорошо известно. Свт. Игнатий, приводя высказывания Отцов, цитирует, в частности, очень яркие слова преп. Иоанна Лествичника: *«Верующий снам подобен гонящемуся за своею тенью и покушавшемуся поймать ее»* (5, 348). Сам Святитель заключает свои рассуждения: *«Нам надо знать и знать, что в нашем состоянии, еще не обновленном благодатью, мы не способны видеть иных сновидений, кроме составляемых бредом души и наветом демонов»* (5, 347).

Наставления старца

Странник, по собственному признанию, в начале своего духовного пути ничего кроме Библии не читал и о м-ве, естественно, имел самое поверхностное представление. Поиски ответа на вопрос о непрестанной м-ве привели его к встрече со старцем-схимником, рекомендации которого и определили всю дальнейшую духовную жизнь Странника. Поэтому очень важно сопоставить их с учением по тем же вопросам свт. Игнатия.

1. Источники

У преп. Исаак Сирина есть такие слова: *«Не следует тому, кто передает знание ученикам, с самого начала подводить их к совершенному знанию предмета, не научив их прежде как следует буквам алфавита и чтению по складам. Также очень плохо, когда высокое предлагается прежде, чем проработано низкое»* (Слово 44. § 5).

С чего же начинает старец наставление 20-летнему еще ничего непонимающему в духовной жизни молодому человеку, горящему жаждой приобрести непрестанную м-ву? Прежде всего, это поучения из Добротолубия преподобных Симеона Нового Богослова, Григория Синаита, Каллиста и Игнатия Ксанфопулов, Никифора, то есть тех Отцов, наставления которых давались совсем не новоначальным в современном смысле этого слова. Свт. Игнатий предупреждал: *«Делателю Иисусовой молитвы весьма полезно прочитать Примечания (Предисловия) схимонаха поляномерульского Василия, на книги святых: Григория Синаита, Исихия Иерусалимского, Филофея Синайского и Нила Сорского. По прочтении сих примечаний чтение всего Добротолубия делается более ясным и полезным. При чтении Отцов не должно*

упускать из виду и того, что меры новоначального их времен суть уже меры весьма преуспевающего в наше время. Применение Отческих наставлений к себе, к своей деятельности, должно быть совершаемо с большою осмотрительностью» (5,117). Свт. Игнатий приводит слова св. Григория Синаита: «...всякий, проходящий излишне усиленный подвиг молитвы от слышания или учения, погибает, как не стяжавший руководителя» (2, 277), т.е. не нашедший истинного руководителя. Не в этом ли и была главная причина того духовного пути, по которому пошел Странник?

2. Молитва и добродетели (заповеди)

Основная мысль наставлений старца такова: «Стяжи мать и произведет тебе чад, говорит св. Исаак Сирин, научись приобрести первую (прежде всего – А.О.) м-ву и удобно исполнишь все добродетели» (21-22). Но у Исаака Сирина в данном случае мысль совсем не о м-ве, а об упоминавшемся выше законе последовательности в приобретении добродетелей (см. Исаак Сирин. Слово 72), об опасности нарушения которого предупреждал свт. Игнатий: *Опасно преждевременное получение наслаждения Божественною благодатью! Дары сверхъестественные могут погубить подвижника, не наученного немощи своей*” (1,532). Как видим, схимник по-своему трактует святого Исаака. Причина этого очевидна – он, как и Странник, весь поглощен идеей непрестанной м-вы, в ней одной он видит сущность христианского подвига и цель жизни. В то же время о самом важном – о нравственных и духовных условиях ее совершения он, практически, ничего не говорит.

Однако вся святоотеческая мысль, на которой настаивает и свт. Игнатий, утверждает, что задачей христианской жизни является исполнение заповедей Христовых и покаяние в случае их нарушения. Все другое является не более, как средством к достижению этой цели. И м-ва, в том числе, есть только **одна** из основных заповедей, **одно** из важных средств спасения, но сама по себе недостаточное без исполнения других заповедей. Потому любая подмена этой святой цели какими бы то ни было средствами есть духовное самоубийство. «*Сущность подвига, - подчеркивает свт. Игнатий, - заключается в исполнении заповедей*» (1,526), то есть всего заповеданного Господом, а не одной только м-вы. Эта мысль красной нитью проходит через все творения всех святых Отцов. Потому свт. Игнатий, напоминая слова Христовы, «Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня» (Ин. 14,21), говорит: «*Исполнение заповедей Спасителя – единственный признак любви к Богу, принимаемой Спасителем*” (2, 67-68).

Схимники же в «Рассказах» все дело христианской жизни сводят, по-существу, к одной лишь м-ве. Другие заповеди в поле зрения старцев, фактически, не присутствуют. Все их внимание обращено на «чистоту» м-вы. И приводимые ими высказывания Отцов даются исключительно в этом ключе без учета контекста³, что часто радикально искажает их смысл. «Многие о деле м-вы, - научает один из них, - рассуждают совсем превратно, думая, что приуготовительные средства и подвиги производят м-ву, а не м-ва рождает подвиги и все добродетели» (20-21). Но эта мысль старца расходится с учением Отцов. Свт. Игнатий пишет: «*Особенное попечение, попечение самое тщательное, должно быть принято о благоустроении нравственности сообразно учению Евангелия. Опыт не замедлит открыть у молящегося теснейшую связь между заповедями Евангелия и молитвой Иисусовой. Эти заповеди служат для этой молитвы тем, чем служит елей для горящего светильника; без еля светильник... гаснет, разливая вокруг себя дым зловонный*» (1, 225-226).

³ Эта тема требует специального рассмотрения.

«Как цвет и плод произрастает на стебле или дереве, которые сами прежде должны быть посеяны и вырасти, так и молитва произрастает на других добродетелях, иначе не может явиться, как на них» (1, 261-262). «А как молитва заимствует свою силу из всех прочих добродетелей и из всего учения Христова: то монахи прилагают особенное тщание к исполнению евангельских заповедей» (1,458).

«...говорит преподобный Макарий Великий: «Кто принуждает себя исключительно и всеусильно к молитве, но не трудится о приобретении смирения, любви, кротости и всего сонма прочих добродетелей, не внедряет их в себя насильно, тот может достигнуть только до того, что иногда, по прошению его, касается его Божественная благодать... Если же получивший не приобучит себя к прочим добродетелям, упомянутым нами, и не стяжет навыка в них, то или лишается полученной благодати или, вознесшись, ниспадает в гордость, или... не преуспевает более и не растет» (1, 289).

3. Непрестанная м-ва

Поэтому, естественно, вызывает недоумение, что схимник преподносит м-ву Иисусову как единственное и самодостаточное условие познания Бога и получения от Него всех даров. Старец прямо поддерживает юношу в его восторженном стремлении овладеть непрестанной м-вой, ощутить сладостные переживания в ней. Он наставляет: «Токмо частость или непрестанность м-вы (как бы она ни произносилась вначале) есть единственное мощное средство как совершенства внутренней м-вы, так и спасения души» (246). «Если бы человек неупустительно выполнил одну сию заповедь Божию о непрестанной м-ве, то в одной он исполнил бы все заповеди» (252). В этом можно очень усомниться.

Свт. Игнатий приводит следующий случай из Алфавитного патерика: «Брат сказал преп. Сисою Великому: «Вижу, что во мне пребывает непрестанная память Божия». Преподобный отвечал: «Это не велико, что мысль твоя при Боге: велико увидеть себя ниже всей твари». И Святитель делает следующий вывод: «Основание молитвы – глубочайшее смирение. Молитва есть вопль и плач смирения. При недостатке смирения молитвенный подвиг делается удобопреклонным к самообольщению и к бесовской прелести» (1, 310). Благодатное же смирение приобретается только одним путем: «Тщательное исполнение заповедей Христовых научает человека его немощи» (IV,9), - цитирует свт. Игнатий преп. Симеона Н.Б.

А вот что свт. Игнатий пишет о частости м-вы: «Только совершенным христианам свойственно молиться без гнева и размышления (1 Тим,2,8), то есть в глубоком мире, в чистой любви к ближнему, без малейшего памятозлобия к ближнему и осуждения его, без развлеченности посторонними помыслами и мечтаниями (без размышления)... Очевидно, что непрестанная молитва не может быть достоянием новоначального инока; но, чтоб сделаться способным в свое время к непрестанной молитве, он должен приучиться к частой молитве» (5,112).

При этом очень важно отметить и тот факт, что "признак непрестанности и самодейственности в совершении Иисусовой молитвы отнюдь не является признаком ее благодатности, потому что не гарантирует ... тех плодов, которые всегда указывали на ее благодатность". "... духовная борьба, результатом и целью которой является приобретение смирения ... подменяется у некоторых иной (промежуточной) целью: приобретением непрестанной и самодвижной Иисусовой

молитвы, которая ... не является конечной целью, а лишь **одним из средств ее достижения**"⁴.

Поэтому Святитель считает, что «для занятия ею (умной, сердечной молитвой – А.О.) приличествует возраст зрелый, при котором уже естественно укрощаются в человеке порывы. Не отвергается юность, когда имеет качество зрелости, в особенности, когда имеет руководителя» (2, 216).

Но приобрести зрелость Странник не имел еще времени, а должного руководителя, как видим, он не встретил. Поэтому слышим от Странника: «Наконец, через непродолжительное время почувствовал, что м-ва сама собою начала как-то переходить в сердце, т.е. сердце при обычном своем биении, начало как бы выговаривать внутри себя молитвенные слова за каждым своим ударом, например: 1) Господи, 2) Иисусе, 3) Христе, и проч. Я перестал устами говорить м-ву и начал с прилежанием слушать как говорит сердце... Потом начал ... в мыслях такую любовь к Иисусу Христу, что казалось, если бы Его увидел, то так и кинулся бы к ногам Его...» (33). По словам Странника, он «иногда входил весь сам в себя и ясно видел все мои внутренности, удивляясь премудрому составу человеческого тела» (107).

4. Техника молитвы

Можно лишь удивляться тому, что схимник совсем еще молодому человеку, ничего не понимающему в духовной жизни, сразу же предлагает те внешние приемы при совершении м-вы Иисусовой, которые иногда использовали отдельные подвижники. Схимник зачитывает ему строки из преп. Симеона Н.Б.: «Сядь безмолвно и уединенно, преклони главу, закрой глаза, потише дыши, воображением смотри внутрь сердца, своди ум, т. е. мысль из головы в сердце...» (23). И Странник начинает «изводить Иисусову м-ву вместе с дыханием в сердце, по наставлению святого Григория Синаита...» (51), но совсем не замечает, что говорит преп. Григорий о м-ве с дыханием: «Удерживай и дыхание, то есть движение ума, смежив несколько уста при совершении молитвы, а не дыхание ноздрей, то есть чувственное, как это делают невежи» (1, 272). Свт. Игнатий по этому поводу пишет: «Возложение упования на эти пособия (ноздревое дыхание, тихость вдыхания и выдыхания и проч. – А.О.) очень опасно: оно низводит к вещественному, неправильному пониманию молитвы, отвлекая от понимания духовного, единого истинного» (2, 288). И продолжает: «Из употреблявших с особенным тщанием вещественные вспомогательные средства достигли преуспевания весьма редкие, а расстроились и повредились весьма многие» (2, 297). «Подвиг умной и сердечной молитвы исправляется умом ... не от одного простого, вышеизложенного естественного художества через ноздревое дыхание или от сидения при упражнении молитвой в безмолвном и темном месте – да не будет! Это изобретено Божественными Отцами не для чего иного, как в некоторое пособие к собранию мысли от обычного парения, к возвращению ее к самой себе и ко вниманию (Ксанфопулы)» (2, 288-289). Поэтому заключает он: «Советуем возлюбленным братьям не доискиваться открытия в себе этого механизма, если он не откроется сам собою» (5, 114).

5. Количество и качество молитв

Свт. Игнатий часто напоминает мысль Отцов: «Видишь юного, летящего на небо, стащи его за ноги на землю». Поэтому в отношении количества молитв свт. Игнатий

⁴ Монах Меркурий. В горах Кавказа. "Паломник". 1996. С.7-8.

дает такой совет: *«Первоначально положи себе произносить сто молитв Иисусовых со вниманием и неспешностью. Впоследствии, если увидишь, что можешь произнести больше, присовокупи другие сто. С течением времени, смотря по надобности, можешь и еще умножить число произносимых м-в. На неспешное и внимательное произнесение ста молитв (Иисусовых) потребно времени 30 минут... Не произноси молитву спешно... делай после каждой молитвы краткий отдых и тем способствуешь уму сосредоточиваться. Безостановочное произнесение молитвы рассеивает ум»* (5, 110). *«Существенными принадлежностями этой м-вы должны быть: внимание, заключение ума в слова м-вы, крайняя неспешность при произнесении ее и сокрушение духа»* (5,107).

С чего начался молитвенный путь Странника? 20-летнему юноше, не имеющему никакого навыка в м-ве старец дает послушание: *«Вот тебе четки, по ним совершай на первый раз хоть по три тысячи молитв в день... непременно верно выполняй по три тысячи в день»* (26). *«Дня два, - рассказывает Странник, - мне было трудновато, а потом так сделалось легко и желательно... Я объявил о сем старцу, и он приказал мне уже по шести тысяч м-в совершать в день... Целую неделю я в уединенном моем шалаше проходил каждодневно по шести тысяч Иисусовых м-в»* (26), и *«привык к ней в неделю»* (27). Через десять дней старец повелел *«неупустительно совершать по двенадцати тысяч м-в в день»* (27). *«...на первый день едва-едва успел в поздний вечер окончить мое двенадцатитысячное правило. На другой день совершил его легко и с удовольствием»*. *«И так дён пять исполнял верно ... и получил приятность и охоту»* (27). Далее желание творить м-ву стало настолько непреодолимым, что оно заменило утреннее правило и *«весь день провел я в радости... и с легкостью окончил двенадцать тысяч молитв в ранний вечер»* (28). После этого старец разрешил: *«твори м-ву сколько хочешь, как можно более»* (28-29). Так, в несколько недель Странник достиг того, чего подвижники, находящиеся под руководством опытных наставников достигали многими годами (свт. Игнатий: *«...на переход этот нужны многие годы»*) - способности без утомления ума непрерывно совершать м-ву Иисусову. Такой многоопытный подвижник м-вы как свт. Игнатий прямо писал: *«Новоначальные иноки нуждаются в продолжительном времени для обучения молитве. Невозможно, вскоре по вступлении в монастырь или по вступлении в подвиг, достичь этой верховной добродетели. Нужны и время, и постепенность в подвиге, чтобы подвижник созрел для молитвы во всех отношениях»* (1,458).

Месяцев пять проведши уединенно в сем молитвенном занятии и наслаждении помянутыми ощущениями, я так привык к сердечной молитве, что упражнялся в ней беспрестанно, и, наконец, почувствовал, что молитва уже сама собою, без всякого со стороны моего побуждения производится и изрекается в уме моем и сердце, не токмо в бодрственном состоянии, но даже и во сне действует точно так же, и ни от чего не прерывается, — не перестает ни на малейшую секунду, что бы

Простой арифметический подсчет показывает, что если следовать совету свт. Игнатия, то для совершения 12 тысяч кратких Иисусовых м-в («Господи Иисусе Христе, помилуй мя (меня)»), потребуется 37,5 часов (для полной м-вы: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного», - нужно 60 часов)! При максимальном допущении, что Странник повторял м-ву без отдыха, пищи, питья и проч. непрерывно в течение 18

часов в сутки, то он должен бы произносить 666 молитв в час. Если же учесть, что Странник «с легкостью окончил двенадцать тысяч молитв в ранний вечер», то можно представить, какова была скорость произнесения им м-вы и реальность сохранения главнейших и безусловных ее требований: неспешности, внимания и сокрушения духа. Совершенно очевидно, что молодой человек думал лишь об одном – о количестве молитв. А старец не только не сдерживал его неразумных порывов, но и прямо способствовал им.

Свт. Игнатий предупреждал ревностных искателей непрестанной м-вы Иисусовой: *«Достоинство молитвы состоит единственно в качестве, а не в количестве... Качество истинной молитвы состоит в том, когда ум во время молитвы находится во внимании, а сердце сочувствует уму»* (2,163). *«Новоначальным должно заниматься молитвой понемногу, но часто»*⁵. *«Особенно способствует сохранению внимания во время молитвы, - пишет свт. Игнатий, - весьма неспешное произнесение слов молитвы»* (5, 98).

Некоторые следствия и выводы

Истинность духовного опыта Странника в сравнении с учением свт. Игнатия (Брянчанинова) вызывает, по меньшей мере, серьезные сомнения. Странник, как можно было видеть, в своей молитвенной практике нарушает многие основные законы духовной жизни. На пространстве всех рассказов у него, практически, ничего не говорится о видении своей духовной поврежденности, недостойнстве предстояния перед Богом и, тем более, недостойнстве получения каких-либо благодатных даров, нет сокрушения о грехах и плача сердечного, не просматривается никакой борьбы со страстями. Самое большее - редкие слова типа: «ОДИН Я ГРЕШНИК» (65), которые, как кажется, произносятся, скорее, потому, что так *положено* чувствовать себя христианину, нежели по причине действительного видения им себя таковым. У него все идет удивительно легко. Трудности длятся день-два, самое большее - неделю, но не трудности борьбы с своим ветхим человеком, о котором он, судя по его «откровениям», не имеет никакого представления, а трудности исполнения огромного числа молитв, возлагаемых на него духовником. По свт. Игнатию, это очень опасное состояние, ибо *«все виды бесовской прелести, которым подвергается подвижник молитвы, возникают из того, что в основание молитвы не положено покаяние, что покаяние не сделалось источником, душою, целью молитвы»* (1, 233).

Вот еще один показательный рассказ Странника: *«Я многих видал, которые просто, без всякого просветительского наставления, и не зная, что есть внимание (подчеркнуто нами – А.О.), сами собою устно творя беспрестанную Иисусову м-ву, достигали того, что уста и язык их не могли удерживаться от изречения м-вы, которая впоследствии так их усладила и просветила, и из слабых и нерадивых сделала подвижниками и поборниками добродетели»* (264). Так, внимание, которое свт. Игнатий вслед за всеми Отцами называет душой м-вы, без которой м-ва – не м-ва, у Странника оказывается чем-то совершенно несущественным.

Странник, к сожалению, не знает, что, например, бесконечное повторение мантры индуистскими аскетами также делало их и подвижниками, и поборниками добродетели, и приносило им наслаждения, доходящие до экстаза. Однако все это не давало им благодати и оставляло без Христа. Подобные состояния наблюдаются и у тех христианских подвижников, которые произносят м-ву без внимания и покаяния – тоже как своего рода мантру. Это прямо приводит их к прелести. Прелесть в данном случае состоит в том, что подвигающийся свои естественные, нервно-психические состояния,

⁵ Собрание писем свт. Игнатия Брянчанинова. М.-СПб. 1995. №276.

порождаемые непрерывным, механическим повторением одних и тех же слов м-вы, воспринимает как действия благодати, в результате чего впадает в т.н. мнение, то есть в гордость, хотя бы и прикрытую личиной внешнего смирения. К этому присоединяется и искание благодатных переживаний, что совершенно искажает дух подвижника, приводя его к духовному сластолюбию. В результате, подвижник, производя с внешней стороны впечатление святого, который всех любит, никому не делает зла, непрестанно находится в радости и в м-ве - с внутренней, как не познавший своих страстей и своего бессилия самому очиститься от них, и потому не приобретший главного в духовной жизни - смирения, оказывается в губительном состоянии.

Свт. Игнатий приводит слова преп. Макария Великого, который говорил, что *«встречаются души, соделавшиеся причастниками Божественной благодати ... вместе с тем, по недостатку деятельной опытности, пребывающие как бы в детстве, в состоянии очень неудовлетворительном ... которое требуется истинным подвижничеством»* (1,284). *«В монастырях употребляется о таких старцах изречение: “свят, но не искусен”, и наблюдается осторожность в советовании с ними... чтобы не верить поспешно и легкомысленно наставлениям таких старцев»* (1,285). Таковой, по словам св. Исаака Сирина *“недостойно называться святым”* (1,286).

Странник приводит весьма понравившееся ему наставление одного священника: *«чтобы просветиться духовно и быть внимательным и внутренним человеком, следует взять один какой-нибудь текст из Св. Писания, и как можно дольше держать на нем одно все внимание и размышление, и откроется свет разумения... Очень мне понравилось сие наставление священника»* (112). Но такую мысль едва ли можно найти у какого-либо святого Отца. Зато она очень напоминает трансцендентальные медитации, практикуемые нехристианскими мистиками с целью познания сущности вещей и достижения неизъяснимых наслаждений.

А вот назидание схимника, также без сомнения принимаемое Странником за истинное учение: *«для спасения ничего более не нужно, как всегдашняя м-ва: «молись и делай что хочешь, и ты достигнешь цели молитвы... Молись и мысли, что хочешь, и мысль твоя очистится м-вою»* (265). Что всё это значит, и какой Отец Добротолубия так учит, Странник по понятным причинам оставляет без комментариев.

Странник рассказывает: *«Иду иногда верст по семидесяти и более в день, и не чувствую, что иду... Когда сильный холод прохвати меня, я начну напряженнее говорить м-ву, и скоро весь согреюсь. Если голод меня начнет одолевать, я стану чаще призывать имя Иисуса Христа и забуду, что хотелось есть. Когда сделаюсь болен... стану внимать м-ве и боли не слышу»* (30).

Эти состояния Странника очень схожи с теми, о которых рассказывает свт. Игнатий. В одном из случаев речь идет о чиновнике, который *«занимался усиленным молитвенным подвигом»*. *«Оказалось, что чиновник (впавший в прелесть и пытавшийся покончить с собой – А.О.) употреблял образ молитвы, описанный святым Симеоном, разгорячил воображение и кровь, при чем человек делается очень способным к усиленному посту и бдению... Чиновник видел свет телесными очами; благоухание и сладость, которые он ощущал, были так же чувственные;*

... принимают участие в благодатном видении и телесные чувства Святых, но тогда, когда тело перейдет из состояния страстного в состояние бесстрастное. Монах начал уговаривать чиновника, чтоб он оставил употребляемый им способ молитвы, объясняя и неправильность способа и неправильность состояния,

доставляемого способом. С ожесточением воспротивился чиновник совету. «Как отказаться мне от явной благодати!» — возражал он» (1,238).

Подобный случай был и с афонским схимонахом. «Оказалось, что иеросхимонах носит вериги, почти не спит, мало вкушает пищи, чувствует в теле такой жар, что зимою не нуждается в теплой одежде. К концу беседы пришло мне на мысль поступить следующим образом: я стал просить афонца, чтоб он, как постник и подвижник, испытал над собою способ, преподанный святыми Отцами, состоящий в том, чтоб ум во время молитвы был совершенно чужд всякого мечтания, погружался весь во внимание словам молитвы, заключался и вмещался, по выражению святого Иоанна Лествичника, в слова молитвы... «Когда ты испытываешь над собою, — сказал я афонцу, — то сообщи и мне о плоде опыта; для меня самого такой опыт неудобен по развлеченной жизни, проводимой мною». Афонец охотно согласился на мое предложение. Через несколько дней приходит он ко мне, и говорит: «Что сделал ты со мною?» — «А что?» — «Да как я попробовал помолиться со вниманием, заключая ум в слова молитвы, то все мои видения пропали, и уже не могу возвратиться к ним» (1,242).

Свт. Игнатий пишет: «Если же кто бы то ни был, движимый, по выражению святого Иоанна Лествичника, гордостным усердием, ищет получить преждевременно сладость духовую или сердечное молитвенное действие или какое другое духовное дарование, приличествующее естеству обновленному, тот неминуемо впадает в прелесть, каким бы образом молитвы он ни занимался, псалмопением ли или Иисусовой молитвой» (Письма. №153). «Сознание своей греховности, сознание своей немощи, своего ничтожества — необходимое условие для того, чтоб молитва была милостиво принята и услышана Богом» (1,155). Это, самое важное и ценное в христианской жизни, «Рассказы» оставляют совершенно без внимания. В них одна идея и одна цель: непрестанность и сладость м-вы. Об этом очень ярко свидетельствуют и заключающие первую часть Рассказов «Три ключа к внутренней молитвенной сокровищнице», где в перечислении основных условий и свойств м-вы о *сознании своей греховности, своей немощи как необходимого условия принятия м-вы Богом* не сказано ни слова (119-120).

«Откровенные рассказы странника» всегда вызывали разноречивые о себе суждения. Они привлекают к себе людей, недостаточно знакомых с основами святоотеческого опыта. Причина этого очевидна — «Рассказы» предлагают эффективное и быстрое средство без какой-либо борьбы со своими страстями достичь и непрестанной м-вы, и благодатных состояний. Это, естественно, в высшей степени льстит ветхому человеку.

Как известно, «Рассказами» одно время увлекся даже свт. Феофан (Говоров). Однако позднее он писал: «Книжка — рассказы странника — внешний чин дела изображает, а писания отеческие — внутренний»⁶. «В книгу — рассказы — не смотрите. Там есть советы, не пригожие для вас, которые могут повести к прелести»⁷.

⁶ Св. Феофан. Собрание писем. Выпуск 5. №824. М. 1899. С. 110.

⁷ Там же. №825. С.112.